

Луиза
ГАМАУС

ВЫЖИТЬ
& В НУЛЕВЫЕ

Лиза Гамаус

Выжить в нулевые

«Автор»

2026

Гамаус Л.

Выжить в нулевые / Л. Гамаус — «Автор», 2026

Бывший эксперт Гохрана. Мать сына-подростка. Женщина, у которой за душой — ни гроша, но есть интеллект. Она согласилась работать на олигарха, чтобы выжить. И оказалась в мире, где власть не контролирует никто, а искусство служит отмыванию денег. Её шантажируют. Вербуют. Предают. Но она не ломается. Вместо этого начинает свою игру — хладнокровную, изящную, опасную. И в центре этой игры оказывается мужчина, которого она должна ненавидеть но почему-то не может. Нулевые - время, когда страна, оправившись от дефолта 1998 года, начала жить на нефтяной игле. Цены на углеводороды росли, и вместе с ними росли животы чиновников, амбиции олигархов и витрины бутиков. Из 90-х вынесли главный урок: выживает сильнейший, закон — это ресурс, а деньги — единственная мера успеха. Нулевые — эпоха контрастов, надежд и разочарований. Время, когда казалось, что капитализм победил, а вера в светлое будущее сменилась прагматизмом. Буду рада вашим знакам внимания, особенно от тех, кто помнит эти времена.)

© Гамаус Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запоминать имена детей и собак	5
Глава 2. Слон	8
Глава 3. Список	11
Глава 4. Встреча	13
Глава 5. Серьги	16
Глава 6. "Лебединое озеро"	19
Глава 7. Аплодисме	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лиза Гамаус

Выжить в нулевые

Глава 1. Запоминать имена детей и собак

Запах воска от горящих свечей, микс сложных дорогих духов, аромат свежемолотых кофейных зёрен, доносившийся из бара, — всё это смешивалось с разговорами гостей и звонном бокалов.

Ресторан «Бисквит» на Кузнецком мосту, создатели которого явно вдохновлялись известным парижским рестораном Costes, был, без сомнения, самым модным местом Москвы. Люди записывались в «Бисквит» за две недели, а ходили туда преимущественно сливки общества во всех прямых и переносных смыслах.

Сейчас он открыл свои двери для презентации известного французского бренда. Презентация была посвящена новой коллекции высокого ювелирного искусства, навеянная творчеством Шекспира.

— Скоротаете вечер и получите опыт, — пригласил её на презентацию Сергей Петрович, начальник отдела закупок института, куда Уля устроилась на полставки после ухода из Гохрана.

Жены у него не было, приличной любовницы, видимо, тоже, а появиться в одиночестве счёл моветоном.

— Ульяна, вы хоть и чересчур скромная, — намекнул Сергей Петрович на её неизвестно когда и где купленную одежду, которую она сама ненавидела, особенно изношенную до предела коричневую юбку «подо всё», — но к вашей чести будет сказано, не весите девяносто килограммов, как наши дамы из бухгалтерии.

Уля, внутренне сжавшись от «комплимента», приняла приглашение. Из любопытства к коллекции.

Она впервые была в таком месте. Не в музее, не на плановой экскурсии, а внутри самой роскоши, которая служила не экспонатом, а фоном для чьей-то обычной жизни.

Взгляд задержался на низких креслах из небесно-голубого бархата с бордовыми вставками по центру. Резковато. В коридоре галереи стояли ресторанные столики, прямо у бутиков.

Сначала изучила ювелирные витрины.

Её трудно было удивить редкими драгоценными камнями, да и коллекция Haute joaillerie*, несмотря на то, что там использовались и кашмирские сапфиры, и ярчайшие колумбийские изумруды, предлагала, прежде всего концептуальное искусство, где материалы служат лишь средством выражения сложной творческой и технической идеи. Такие коллекции про наследие, талант и мастерство, про право находиться на вершине ювелирного Олимпа.

Уля остановилась перед колье, украшенным бутонами фуалиса из ravé** с сапфирами падпараджа***. Колье-трансформер, которое за пару движений превращалось в браслет и брошь. Каждая закрепка, каждый замок, каждый переход – безупречны.

Она оценивала всё глазами, и её профессиональное нутро ликовало и плакало одновременно. Ликовало от красоты, плакало от недосягаемости, даже не обладания, а просто недосягаемости.

— Да, ну! – протянула девушка с голыми плечами в длинном розовом платье, глядя на витрину с колье, — одна мелочь, а не камни. Он мне такое не купит.

— Тут всё такое, — ответила её спутница, — это же французы. Из говна конфетку.

Уля оторопела и застыла.

— Обыскался, — подошёл Сергей Петрович, — всё никак не посмотритесь. Пойдёмте в зал садиться.

Сергей Петрович ей никогда не нравился, безликое серо-сизое нечто, а на фоне присутствующих мужчин он казался пластмассовой пуговицей неправильного размера, пришитой по необходимости к камзолу вельможи.

Перед тем, как подали угощение, выступили с короткими речами те самые вельможи, один с нашей стороны, другой – с французской. Вспомнили глубокие культурные связи между народами, уходящие в глубь веков, и упомянули Фаберже. Хоть так. Слышно было плохо, а никто и не слушал.

Уля смотрела на женщин. У неё отродясь не было длинного платья, ей даже в голову не приходило его захотеть.

После подачи первого блюда, трёх видов рыбного тартара, начался показ. Четыре красотки, похожие на сошедших моделей из журнала «Vogue», бесшумно скользили между столиков. Главный редактор журнала, не имевшая, конечно, к моделям никакого отношения, сидела через пару столиков и вела оживлённую беседу.

Девушки подходили так близко, что Уля могла рассмотреть игру света в глубине турмалина или тончайший узор на браслете. На замшевом подносе ей протянули кольцо с розовым бриллиантом в замысловатой оправе. Она не стала его мерить, как остальные. Представила только, каково это — не изучать камень, а просто носить его на пальце. Куда носить?

За их столиком сидел представитель бренда с русской стороны – ухоженный мужчина лет сорока в дорогих часах и с уверенными жестами. Звали его Максим. Разговор зашёл о работе. Сергей Петрович хвастливо упомянул, что Ульяна – бывший эксперт Гохрана, ищущая новое место. Зачем сказал, неизвестно. Она его не просила.

— Ах, Гохран! – Максим снисходительно улыбнулся, потягивая шампанское. – Это, конечно, академизм. А у нас тут, знаете ли... Фронт работ другой. Торговля.

— Я разбираюсь в качестве, — тихо, но чётко сказала Уля. – Могу объяснить клиенту разницу между обычной и высокой ювелиркой.

— Милая девушка, — Максим смотрел на неё, как на несмышлёного ребёнка. – Нашим клиентам не нужно объяснять разницу. Им нужно, чтобы им понравилось, чтобы заиграли эмоции. А продавцу надо уметь помочь эти эмоции вызвать. Улыбаться, запоминать имена детей и собак, предлагать шампанское. Ваш уровень... — он многозначительно оглядел её простенькое платье с рукавами три четверти, - ваш уровень, это для институтов. А у нас в бутике девчонки без вашего бэкграунда по несколько тысяч баксов в месяц получают. Легко. Про директрису я и не говорю.

Захотелось плеснуть ему из бокала на галстук, на его красивый шёлковый галстук с какими-то мелкими зверьками. Он не был в смокинге, как большинство. И вообще, их столик находился в самом дальнем углу. Кто пригласил сюда Сергея Петровича и зачем? Кому он здесь нужен?

Несколько тысяч долларов. Ком в горле встал такой твёрдый, что она с трудом сглотнула.

— Мест, кстати, нет, — добавил Максим, словно добивая. – И не предвидится. Всё давно пристроено. Родственники, знакомые. Вы же понимаете.

В этот момент в сумочке завибрировал телефон, старая Nokia, доставать который не хотелось. Уля извинилась и отошла в туалетную комнату, больше похожую на будуар кинозвезды. Стены были покрашены в широкую полосу в розовых тонах, а около умывальников стояли квадратные серебряные вазочки с одноразовыми махровыми полотенцами, скрученными в трубочки. Пахло ванилью.

— Уль, привет! С деньгами в этом месяце не получается, — голос бывшего мужа не звучал виновато, скорее, отстранённо. — Сам в долгах. В следующем, обещаю, вышлю. Как Тёмка?

— Хорошо, — выдавила она, глядя на своё отражение в зеркале. На неё смотрела женщина с уставшими глазами, в платье, которое хотелось спустить в унитаз прямо здесь и сейчас, не задумываясь. И нырнуть за ним.

Она не рвала с Алексом окончательно именно по этой причине, потому что иногда, раз в три-четыре месяца, он присылал пятьсот долларов. Эти деньги спасали.

Слова Максима о её никому не нужном бэкграунде и звонок Алексея слились в один назойливый шум, от которого невозможно было избавиться.

Дома её ждал сын Артём, которому в августе исполнилось пятнадцать, и мама-пенсионерка.

- Мам, меня скоро не будут пускать на тренировку, - тихо сказал Артём на прошлой неделе. Не просил, всё и так понятно, что была бы возможность, она бы не пожалела ни одного рубля на новую экипировку. Артём ходил в ещё существовавшую, почти бесплатную школу по фехтованию. «Как Пушкин», - шутила мама.

Открылась дверь. Ульяна вздрогнула. Вошла девушка с модной причёской – идеальные вытянутые шёлковые волосы до плеч. Посмотрела мимо Ули и быстро скрылась в кабинке.

Вернулась к столу.

Улыбалась, но внутри всё кричало. Она, Ульяна Архипова, десять лет проработавшая в Гохране, способная с первого взгляда определить происхождение любого камня, атрибутировать царское украшение, поставить подпись о заключении качества партии якутских бриллиантов и остановить многомиллионную сделку, была нищей.

Её знания, её безупречная репутация стоили на этом рынке ровно двести долларов в месяц. Это была её месячная зарплата. И единственным лучом надежды был пьяный начальник рядом и ухоженный хам напротив, но и те дали ей понять, что двери в мир, где платят за её таланты, для неё наглухо закрыты. Какой ещё надежды?

Она взяла бокал с водой, в котором плавали кубики льда. Рука дрожала. Холодная влага обожгла горло, но не смогла загасить отчаяние, разгоравшееся внутри.

---

*haute joaillerie (фр.) — высокое ювелирное искусство.

**ravé — способ закрепления камней, при котором они укладываются плотными рядами, напоминая мостовую. ***падпараджа — редкая и дорогостоящая разновидность сапфира (корунда) с уникальным оранжево-розовым оттенком.

Глава 2. Слон

Домой Ульяна вернулась за полночь. В подъезде пахло затхлостью и кодами. Она тихо закрыла дверь, скинула туфли, которые жали, и прислушалась. Артём спал. На кухне, придвинув настольную лампу, сидела мама, зашивала внуку штаны. Лицо её было серым от усталости.

— Ну что, как там в элитах? — попыталась пошутить мать, но в голосе слышалась тревога.

— Блестяще, — горько выдохнула Уля. — В прямом смысле. Показывали бриллианты, которые стоят больше, чем наша квартира, то есть несколько наших квартир. А платят за их оценку двести долларов, — это она просто так добавила, слетело с языка. Потому что мысли были о том, что Алексей, скотина, опять её подвёл, а до конца месяца ещё две бесконечные недели.

Она прошла в свою комнату. Их трёхкомнатную квартиру в сталинском доме на Авиамоторной папа успел приватизировать в девяностые, когда был жив.

Ком в горле, с которым она ушла из «Бисквита», не рассосался. Он давил, мешал дышать. Она села на кровать и устала в стену, на которой висела репродукция Тамары Лемпицки «Автопортрет в зелёном «Бугатти». Она купила её в прошлом году на выставке плаката. Независимая женщина, руки в перчатках, на голове шлем, недоступна и холодна, но вместе с тем очень соблазнительна и загадочна. Ей не надо ломать голову над тем, как через неделю заплатить репетитору по математике для Артёма несчастные пятьсот рублей, которые взять было негде.

На следующее утро, пока она варила овсянку, зазвонил телефон. Незнакомый номер.

— Ульяна? Говорит **Виктор Носов**. Помните такого?

Носов? В памяти всплыл образ невысокого вертлявого человека с хитрыми глазами. Они пересекались на каком-то антикварном салоне года три назад. Он торговал «раритетами» сомнительного происхождения, она тогда еще из Гохрана, консультировала сделку по иконе. Он пытался ее подкупить, чтобы она зависила оценку. Она, конечно, отказала. Сделала жест, который сейчас не особо ценится на рынке. Что ему нужно?

— У меня к вам деликатное предложение. Один человек, очень влиятельный, собирает коллекцию. Ему нужен эксперт высшего класса для разовой консультации. Оценка нескольких лотов. Оплата — тысяча долларов. За день.

Ульяна чуть не выронила ложку. Цифра «1000» зависла в воздухе, мерцающая. Она физически ощутила вес этого числа.

— Что за лоты? — спросила, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Старинные украшения. Европа, начало XX века. Владельцу важна объективная оценка. Ваше имя гарантирует чистоту сделки.

Она смотрела на запотевшее окно, за которым моросил противный ноябрьский дождь. На стопку счетов рядом с микроволновкой. На дырявую занавеску.

— Хорошо, — чуть ли не прохрипела Уля от волнения, — я готова встретиться.

Кабинет Геннадия Уса находился в неприметном здании в одном из арбатских переулков. Дверь открыл мужчина с пустым лицом и вальяжными движениями профессионального охранника. Кабинет поразил не роскошью, а мощью. Стены, обитые темным дубом, тяжелая кожаная мебель, картины в золотых рамах. Копии, потому что оригиналы в музеях. Ну, раз так хочется, чтобы висел Маковский, пусть висит. У неё вот тоже Лемпицки на стене.

За столом сидел хозяин — Геннадий Сергеевич Ус. Первое, что увидела Уля, — это лоб, испещрённый глубокими морщинами-бороздами, и маленькие, глубоко посаженные серые

глаза-сканеры. Они не смотрели на неё, а зондировали, взвешивали и оценивали. В них читалась ледяная усталость от всего, что он видел, и тотальное, всепоглощающее безразличие.

Он показался ей огромным старым слоном, который всё помнит, всё знает и очень многое может. На вид ему было за шестьдесят.

— Виктор говорил о вас хорошо, — его голос был низким и ровным, без эмоций. — Но я привык доверять только своим глазам.

Он достал из ящика стола бархатный футляр и открыл его. Внутри лежали три предмета: изящная брошь в виде стрекозы, подвес с жемчугом и массивный перстень в виде попугая известного бренда.

— Что скажете?

Ульяна надела свои руки — тонкие белые перчатки, которые всегда носила с собой. Взяла лупу. Мир сузился до камней и металла. Она изучала клейма, пайку, закрепку, игру света на гранях. Через десять минут отложила лупу.

— Брошь — подлинная, Франция, эмаль, опалы. Примерно 1890 год, качественная работа. Похожа на Лалик, да, это Рене Лалик. Подвес, — она взяла его в руки, — искусственный жемчуг, золото низкой пробы, стилизация под модерн, не старше тридцати лет. Перстень — качественная подделка. Клеймо поставлено очень точно. Первый раз такое вижу на реплике. Даже выбит индивидуальный номер. Но не Картье.

Ус внимательно наблюдал за ней. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Потом в уголках его глаз обозначились легкие лучики морщин — подобие улыбки.

— Хорошо. Очень хорошо. Виктор не обманул. Мне нужен такой человек. Информацию о вас я подсобрал.

Он откинулся на спинку кресла.

— Предлагаю вам работу: личный консультант. Испытательный срок — три месяца. Пять тысяч долларов в месяц, если всё пройдет, как надо. Сто долларов — официальная зарплата, остальное — в конверте. Задачи — разные: от закупок до экспертизы. Ненормированный рабочий день, но сразу скажу, я этим не злоупотребляю.

Пять тысяч. В месяц. Ульяна почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Она хотела сказать «мне нужно подумать», но слова застряли в горле.

— У меня... семья, ребёнок. Это большая ответственность.

— Ульяна, — Ус произнес её имя впервые, и оно прозвучало как приговор. — Люди мечтают ко мне попасть. Я не люблю ждать. Ответ нужен сейчас. Да или нет.

В голове у неё пронеслись картинки: Артём, который вчера просил деньги на новый учебник, мама, откладывающая на лекарства, собственное лицо в зеркале «Бисквита» — лицо потерявшейся в дремучем лесу. Это был шанс. Единственный.

— Да, — прошептала она. — Я согласна.

— Отлично. Начинаем с простого. Будете моим шоппером. Нужно купить подарки для нескольких дам: украшения в московских бутиках. Выбор за вами, но ошибок быть не должно. Сдавать назад они ничего не будут. Позже, если понадобится, съездите в Париж, привезёте. Загранпаспорт имеется?

- Да.

- Но риски — ваши. Иногда нужно будет провезти пару вещей без лишних глаз. Коробки через DHL.* Ясно?

Уля кивнула, не в силах вымолвить слова.

— И последнее, — Ус окинул её беглым, оценивающим взглядом. — Ваш вид... это недопустимо. Идите в лучшие магазины. Купите нормальную одежду. Сделайте причёску. Не

жалейте денег. С сегодняшнего дня вас в бутиках Москвы будут ждать, как самую дорогую гостью. Ваша задача — подружиться с менеджерами, слушать, что они говорят. Сплетни иногда ценнее бриллиантов. Деньги на первые расходы даст Виктор.

— Он у вас работает?

— Работает, но не тянет, между нами девочками. По некоторым вопросам.

«Зачем он мне это сказал?»

Когда она вышла на улицу, её трясло. Дождь перестал, но небо было свинцовым. Она сделала это – продала душу. Кто такой Ус, особых сомнений не было. Но за пять тысяч долларов в месяц она могла купить сыну будущее.

По дороге домой решила: матери ничего говорить не будет. Скажет, что нашла хорошую работу консультантом в антикварной галерее. Чем меньше знает мама, тем спокойнее ей будет.

«Я справлюсь».

Быстрым шагом пошла к метро. Завтра начинается другая жизнь? Страшная, но сытая.

---

*DHL - международная компания экспресс-доставки грузов и документов, лидер мирового логистического рынка.

Глава 3. Список

Утром позвонил Виктор.

— Привет, эксперт! – фамильярничал, как будто знал Улю с песочницы.

— Слушаю тебя, — благодарить его за Уса не стала.

— Жду твою светлость в Петровском пассаже через полтора часа. Передам деньги и дисконтную карту. Одежду можешь прямо там и купить. Собственно, карта для этого. Минус двадцать процентов.

— Мне надо на старую работу ещё зайти, объясниться, заявление...

— Вообще забудь. Твой бывший шеф уже в курсе. Я с ним только что разговаривал. Пожелал тебе удачи. Если только у тебя там остались какие ценные вещи.

— Нет, не остались.

Виктор ждал её в арке входа в Петровский пассаж со стороны Петровки.

Отреставрированный храм московской роскоши, сверкавший витринами бутиков и блеском полированного мрамора начинал свой обычный день. Широкие стеклянные потолочные своды заливали пространство мягким светом.

На фоне этой показной элегантности и порядка фигура Виктора казалась потасканной и какой-то выцветшей. Как бы он ни старался, но это явно было не его место.

— Ульяна! Наконец-то! — Он широко улыбнулся, делая шаг навстречу, и попытался взять её под локоть, но она инстинктивно отстранилась. — Прекрасно выглядишь. Скоро будешь выглядеть ещё лучше.

— Привет, Виктор, — сухо ответила она, опуская руку в карман пальто.

Зашли внутрь.

— Ну что, эксперт, как настроение? Осознала масштаб удачи? — он говорил громко и фамильярно, как обычно. — Ты должна понимать, таких, как ты, с твоим гохрановским гонором, в проектах Геннадия Сергеевича раз-два и обчёлся. Это я вчера ему на тебя намекнул, так и сказал, что у меня есть недооценённый специалист, который ему нужен. А он как раз людей ценит. И моё слово тоже.

Он подчеркнул последнюю фразу, давая понять, кто здесь её благодетель. Уля молча кивнула, чувствуя, как подступает тошнота от этого заискивающе-напористого тона.

— Ладно, к делу, — он достал из внутреннего кармана пиджака плотный конверт и золотую пластиковую карту, на которой сверху было написано что-то на итальянском. — Десять тысяч на первые расходы. Одежда, обувь, салоны. Карта даёт скидку в большинстве бутиков здесь. Не стесняйся, Геннадий Сергеевич хочет, чтобы его представители выглядели соответственно.

— Чеки предоставлять? — что можно купить на такую сумму за один раз? Не укладывалось в голове. И если чеки не нужны, значит, потом просто вычтут десятку.

— Нет, карту вернёшь и всё. А лучше сама себе заведи такую. Сообразишь. Не всё сразу.

Она взяла тяжёлый конверт — символ доверия, которое на самом деле являлось формой тотального контроля. Тем не менее, конверт был осязаемым доказательством того, что точка невозврата пройдена.

— И ещё сюрприз. С этого момента на время выполнения поручений тебе полагается транспорт. Чтобы не толкаться в метро с пакетами. Пойдём, познакомлю. Он с другой стороны стоит.

Они пошли через весь пассаж к другому выходу, на Неглинную. Так там и надо было встретиться, но, видимо, Виктору было удобнее на Петровке. Пока шли, Уля рассматривала витрины. Всё смешалось. Что покупать, понятия не имела.

Вышли на улицу, прошли вправо. На парковке, прямо напротив Центрального Банка, стоял чёрный мерседес Е-класса. Как только они подошли, из машины вышел молодой, крепко сбитый мужчина в чёрном костюме и белой рубашке с галстуком.

— Это Анатолий, твой водитель. Парень надёжный. Толя, это Ульяна Ильинична, наш новый эксперт. Все твои поездки — только через него, — обратился он опять к Уле.

Анатолий молча кивнул, его взгляд был быстрым и оценивающим. Он открыл заднюю дверь, демонстрируя салон с затемнёнными стеклами и запахом свежей кожи.

«Машина с водителем. Вчера такое невозможно было даже представить. Мерседес с водителем, не просто машина. Дело не в пакетах».

Оставив Анатолия ждать, они вернулись в пассаж. Виктор, болтая, проводил её до первого бутика и, посоветовав «выбрать что-нибудь элегантное, но не траурное», удалился по своим делам. Уля пошла искать обменный пункт.

Следующие два часа стали настоящим квестом. Она, привыкшая покупать одежду на распродажах, молча и нервно сносила почтительные приставания продавщиц, но в конце концов сдалась и обратилась за помощью. Шла по пунктам: пальто, сумка, два костюма, три кофты, свитер, туфли, полусапожки, две пары брюк, шарф. Старое платье скомкала в пакет и попросила продавщицу выбросить. Символично. Вечернюю одежду пока не трогала.

Анатолий пришёл забрать пакеты с покупками.

Тут же отправилась в салон на втором этаже. Воспринимала всё, что делала, как задание.

Преображённая, но порядком уставшая от беготни и примерок, она нашла уединённый столик в кафе на первом этаже, заказала кофе и, наконец, развернула сложенный лист, который ей вручил Виктор вместе с деньгами.

Под номером один стояло имя Марины, в скобках (жены). Под номером два — Алёны, в скобках (балерины), под номером три — Вероники, в скобках (студентки-международницы), под номером четыре стояло имя Тамары Семёновны, в скобках (секретарши ключевого чиновника), и наконец под номером пять было написано «для себя». Для себя Ус искал золотые запонки в виде геральдических лилий одной небольшой западной фирмы, которой уже не существовало. Их надо было найти неизвестно где, атрибутировать, проверить клейма. Цена была не важна.

Уля отпила глоток уже остывшего кофе. Она сидела в сияющем Петровском пассаже, в только что созданном, ещё непривычном облике, изображая ту, кем не являлась, и держала в руках инструкцию по обслуживанию гарема и коррупционных схем. Её новой работой было не оценка искусства, а закупка молчаливых согласий, оплаченных роскошью. Она сжала листок.

— Ульяна?

Глаза повернулись на мужской голос.

Глава 4. Встреча

Перед ней стоял Платон Метелин.

Около года назад Уля оценивала ему брошь Фаберже. Она её вспомнила: овальная форма, розовая эмаль по гильоше*, украшена веточкой ландыша и бриллиантовой каймой. Всё было оригинальным, включая коробку, кроме трёх бриллиантов в ландыше. Их заменили на фианиты какие-то неграмотные придурки, не понимая, что именно ценится в этой броши. Они тогда ещё с Платоном пошутили, что подделку видно на глаз, даже на глаз строителя. У Метелина была крупная строительная компания, кровельные покрытия и что-то там. Он тогда придумал себе новое хобби – ювелирные броши. Какие точно броши он коллекционировал, она не помнила.

— Здравствуйте! — улыбнулась Уля, инстинктивно выпрямляя спину.

— Я на вас смотрел минут десять, не решаясь подойти. Вы очень изменились, Ульяна. В хорошую, разумеется, сторону. В очень хорошую.

— Десять минут? — удивилась она. — Не заметила.

— Значит, я мастер маскировки, — он улыбнулся. — Можно?

— Конечно, садитесь.

Платон занял место напротив. На Улю пахло силой, облачённой в оболочку светскости. По его едва заметному жесту к столику немедленно подскочил официант.

— Хотите ещё кофе или, может, что-нибудь покрепче? — спросил Метелин. В его взгляде читалось неподдельное любопытство.

Она его отлично помнила. Как помнят понравившегося иностранного актёра – некто из параллельной жизни. От волнения она даже почти его не видела, скорее, чувствовала – притягательность, уверенность, энергию, проникновенный низкий баритон, жёлтые волчьи глаза, которые замечали и понимали всё.

«Сколько ему лет? Такой же, как я. Чуть старше».

— Ещё кофе, пожалуйста, и немного печенья.

«Я сижу с миллионером, и он угощает меня печеньем. Год назад он едва кивнул мне на прощание. А сейчас помнит моё имя».

— Принесите, пожалуйста, мой заказ сюда, — сказал Платон официанту. — И кофе мне тоже. Итак, Ульяна, в вашей жизни произошли значительные перемены, не скрывайте.

— Я просто обновляю гардероб. Осень, — ответила она с лёгкостью, которую сама от себя не ожидала. — Как ваша коллекция? Ещё ландыши?

— Коллекция потихоньку растёт. Но вот хорошего эксперта, который сразу схватит быка за рога, всё ещё не хватает. Вы ведь не скажете, где теперь можно вас найти? Или это государственная тайна?

— Скорее, коммерческая, — улыбнулась она, опуская глаза. Его взгляд, прямой и заинтересованный, её смущал.

— Жаль. А то я как раз приобрёл одну вещицу... Скажу по секрету, хотите?

— Очень, — она заигрывала с ним. Само получалось, как будто это не она, а она настоящая где-то спряталась и тихонечко наблюдает.

— Аквамаринное сердце, перевязанное золотым шнурком.

— Такого не может быть, если мы говорим об оригинале.

— Почему же?

— Потому что это Вердюра.**

— Он самый.

Уля вытаращила глаза.

— Настоящий? – вырвалось у неё.

— Не думаю, что в Кристиис*** будут вводить в заблуждение.

«Тупица! Забыла с кем имею дело. Непростительная тупица!»

— Поздравляю! Если честно, я никогда не видела настоящего Вердюру. Даже не буду скрывать.

— Отличный повод пригласить вас в гости, если не сочтёте это за невежливость.

«Меня? В гости? К нему?»

— Спасибо большое, Платон, но...

— Кстати, у меня есть ещё одна вещица, в которой я действительно сомневаюсь. Одна маленькая саламандра с изумрудами. Ломаю голову: то ли передо мной уникальный артефакт, то ли просто очень старая подделка. Не подскажете, как отличить?

— По запаху, — не задумываясь, ответила Уля. — Старые подделки пахнут временем и алчностью. А уникальные артефакты — только временем.

Платон рассмеялся.

— Боюсь, мое обоняние не настолько развито. Может, оставите мне ваш номер? На всякий случай. Вдруг саламандра начнёт странно пахнуть.

Щёки горели. Взяла салфетку.

— К сожалению, у меня нет ручки.

Он быстро достал из кармана свою, с белой звездой на колпачке.

— Только по поводу саламандр, — сказала она, протягивая салфетку с номером, — или других мифических существ.

— Обещаю звонить исключительно по герпетологическим вопросам, — он аккуратно сложил салфетку и убрал во внутренний карман пиджака. Его палец на мгновение коснулся её руки. — А дома вас кто-то ждёт? Муж, например, чтобы оценить новый гардероб? — спросил он непринуждённо.

Уля сделала глоток кофе.

«Каким вопросам?»

— Дома меня ждёт сын.

— Какая прелесть! Очень рад был повидаться, Ульяна! Благодарю вас за компанию.

Он поднялся, ещё раз улыбнулся, на этот раз как-то по-особенному тепло, и ушёл. Она проводила Платона глазами. У дверей кафе мелькнула фигура его телохранителя.

Уля сидела, пытаясь осознать этот вихрь событий. *Миллионер. Флирт. Номер на салфетке. Шопинг за десятки тысяч рублей.* Мир перевернулся с ног на голову за несколько часов. Как будто кто-то невидимый и могущественный щёлкнул пальцами и забросил её за стену, куда она сама никогда бы не забралась. Так и карабкалась бы около, делая пристойный вид.

Дорога домой в чёрном мерседесе с Анатолием за рулём казалась путешествием по незнакомому городу. Она смотрела из окна на ненавистные растяжки на дорогах, ничего не соображая и не веря, что это происходит с ней.

Машина плавно остановилась у её дома. Анатолий вызвался помочь донести покупки, но Уля его остановила. Она боялась реакции матери.

Лицо Марины Андреевны было бледным от ужаса. Она наверняка видела её царский выход в окно.

— Ульяна! Что это?! Откуда машина? Ты что, взяла кредит? Говори правду! — мать почти кричала, глядя на дочь, раздетую с ног до головы, с пакетами от брендов, названия которых видела лишь по телевизору и то не все.

Уля, не останавливаясь, прошла мимо неё в квартиру, швырнула сумки на пол в прихожей и, не глядя на мать, пошла на кухню с огромным пластиковым пакетом, на котором было написано «Стокманн» зелёными латинскими буквами.

На кухне поставила пакет на табуретку и начала вытаскивать еду.

— Правду хочешь? — резко спросила она, продолжая вытаскивать сырокопчёную колбасу, курицу, кусок говядины, нарезанную ветчину, банку красной икры, шоколадные конфеты, килограммовую упаковку кофе в зёрнах. — Вот она, правда! Правда в том, что сегодня у нас будет ужин, который не стыдно поставить перед изголодавшимся ребёнком! Правда в том, что Артём получит сегодня новые ботинки, а ты завтра пойдёшь в аптеку! Правда в том, что я нашла работу, где платят! Вот она, мама, вся правда!

Уля стояла, тяжело дыша, глядя на продукты, разложенные на столе, как на трофеи с войны. Войны за выживание, которую она, наконец, решила попробовать выиграть.

---

*гильоше – орнамент в виде густой сети волнистых фигурных линий, переплетающихся между собой. На ювелирный металл наносят гильош, далее покрывают эмалью.

**Вердюра – Фулько ди Вердюра (1899-1978) – итальянский аристократ, ювелир, один из самых влиятельных мастеров XX века.

***Кристис – «Кристис» (Christie's) – аукционный дом, лидер арт-рынка. Основан в 1766 году в Лондоне антикваром Джеймсом Кристи.

Глава 5. Серьги

В семь тридцать утра раздался звонок мобильного.

— Жду тебя через час у себя. Возьми загранпаспорт. Не успел вчера предупредить, — Ус говорил быстро и тихо.

— Без проблем, Геннадий Сергеевич, — ответила Уля, стоя с зубной щёткой во рту.

Она выскочила из дома через десять минут после звонка.

Накрасилась в такси, то есть в первой попавшейся раздолбанной машине, которая остановилась на её поднятую руку.

— Что со списком? — спросил Ус, как только Уля появилась на пороге кабинета.

— Сегодня сделаю, там же ещё есть несколько дней. Кроме запонок. Тут надо подумать.

— У тебя есть только сегодняшний день, завтра летишь в Женеву. Давай паспорт, — тут он осмотрел Улю с ног до головы, — мне нравится твой вкус.

Она не стала реагировать на похвалу и не стала спрашивать, зачем она летит завтра в Швейцарию. Он это оценил.

— Списком займёшься после приезда. Срочности нет. Я тебе организовал небольшой кабинет, чтобы ты могла спокойно работать. Сейчас я тебя попрошу туда пойти и изучить материалы, которые я послал на твой компьютер. Виктор покажет — кабинет, компьютер и всё остальное. К двум часам ко мне, надо будет кое-что обсудить перед поездкой.

— Могу приступить?

— Можешь.

Виктор ждал её перед кабинетом вместе с секретаршей **Леной**, натуральной блондинкой, очень симпатичной круглолицей голубоглазой девицей в мини.

«Откуда только таких берут? И ещё соображает, наверное, раз тут работает. В каком-нибудь условном Дубае шейхи бы за неё поборолись».

— Пошли, эксперт, покажу тебе кабинет и компьютер. У тебя теперь есть рабочая почта.

— Рада познакомиться, — Лена встала, приветствуя Улю. У неё был мягкий, немного низкий голос и идеальные жемчужные зубы. Красотка.

— Я тоже, — кивнула Уля, — пошли! — сказала она Виктору.

Геннадий Сергеевич выделил Уле малюсенькую чистенькую комнатку с окном на Арбат, где умещался письменный стол с креслом и скромным стулом с противоположной стороны для посетителя. Другой мебели в комнате не было. У стола, правда, слева стоял столик пониже, на котором красовался большой цветной принтер.

— Большая честь тебе оказана — сразу отдельный кабинет, — Виктор уселся на гостевой стул и закинул ногу на ногу. Он явно не собирался тут же уходить.

— У тебя ко мне вопросы? — Уля села напротив в кресло.

— Ну, как тебе в целом тут у нас? Слышал, завтра в благополучную Швейцарию летишь?

— И откуда ты это слышал?

— А разве это секрет? Я с Леночкой в прекрасных отношениях. Представляешь, я с ней был знаком ещё до того, как она стала любовницей Уса. Я, можно сказать, их познакомил.

— Меня это не касается, Носов. Мне бы поработать, почитать материалы перед командировкой.

— Сейчас вот всё. Из любовниц разжаловал, — продолжал Виктор задуманное. — Зато это тот редкий случай, когда постель приводит к профессиональному росту. Личный секретарь самого Уса!

Ей очень хотелось его поскорее прогнать и сесть за работу, но он не уходил.

— Вить, спасибо тебе за информацию, цену, но не оставил бы ты меня сейчас в покое, а? Ты не представляешь, сколько у меня материалов, которые надо обработать. Давай часа в четыре на пятнадцать минут выйдем на Арбат в кофейню, если хочешь, — оставила она ему немного надежды.

— Тебе с компьютером помощь нужна?

— Нет, спасибо. Я сама. Не забывай. Что у меня дома растёт компьютерный гений, который постоянно меня чему-то учит.

Носов наконец убрался.

Уля огляделась повнимательнее. У видела на стене кондиционер, а под ним репродукцию Пасхального яйца Фаберже «Транссибирская магистраль» с выставленным перед ним миниатюрным поездом-сюрпризом. Одно из самых красивых Пасхальных яиц, как считала Уля, выполненных в мастерской Михаила Перхина. Уля могла часами рассказывать про Фаберже. Он как Пушкин, только в ювелирке.

В документах речь шла о закрытом аукционе. Главным в таких мероприятиях были анонимность и конфиденциальность. Такие собрания предпочитают люди, для которых нежелательно публичное участие, иногда из-за репутации или безопасности, иногда из-за того, чтобы не раскручивать цены. Организаторы же знают каждого участника практически лично.

Предлагалась коллекция некоего греческого судовладельца Михалиса Ставридиса, выставленная его сыновьями после смерти отца. Речь шла о двадцати двух лотах с уникальными украшениями рубежа веков. Уса интересовала рубиновая малая парюра* Фаберже, которая шла под номером девятнадцать, вроде бы, с безупречным провенансом, но была пометка, что он слышал о таких же серьгах, или реплике, у одного московского ювелира.

На аукционе было заявлено следующее:

Парюра создана в 1902 году в мастерской Михаила Перхина, лучшего мастера Фаберже и единственного русского по происхождению. Это был заказ императора Николая II в подарок его матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. В 1919 году бывшая императрица покинула Россию, воспользовавшись дредноутом «Мальборо», который прислал за ней в Крым племянник, английский король Георг V. Находясь в стеснённых обстоятельствах в Европе, она была вынуждена продать комплект через подставных лиц. Он сменил нескольких владельцев, пока не был куплен греческим судовладельцем Михалисом Ставридисом в начале 1950-х годов на аукционе в Женеве, как символ его возрождения после войны.

Вслед за текстом была представлена фотография императрицы в серьгах и броши, в одном из залов датского замка Видёре, где она проживала в 1920 году.

Серьги представляли собой два рубиновых примерно четырёх каратных кабошона** в обрамлении бриллиантов с подвесами у каждой серьги в виде трёх мелких каплевидных бриллиантов. По стилистике можно было сказать, что это неорусский стиль. Довольно красивые, как всегда у Фаберже. А в брошь был вставлен рубин около пяти карат, обрамлённый тремя рядами бриллиантов.

Геннадий Сергеевич был дотошен. Его сомнения состояли не в том, что серьги полная подделка, а в том, что одна из них могла быть искусной репликой.

Его версия заключалась в следующем: Ус якобы слышал полу легенду от московского антиквара, согласно которой одна из серёг была подменена на искусную копию с фальшивым рубином кем-то из прислуги до эмиграции императрицы. Таким образом, оригинальный комплект был «разорван». Одна серьга путешествовала по миру с императрицей, а вторая, возможно, осела в частных коллекциях в России. Антиквар якобы видел в 1970-х годах одинокую рубиновую серьгу с похожим описанием. Поэтому Ус опасался, что на аукционе выставлен «гибрид»: одна подлинная серьга эпохи Фаберже, а вторая — мастерская, но более поздняя реплика, собранная Ставридисом или предыдущим владельцем для придания комплектности и ценности.

От Ули Геннадий Сергеевич хотел, чтобы она провела визуальную экспертизу на месте. Изучить серьги в лупу на предаукционном показе, куда её пропустят как представителя анонимного клиента, то есть его. Искать мельчайшие несоответствия между двумя серьгами: качество золота и пайки, все ли бриллианты идентичны по огранке и креплению, идентичны ли и четки клейма на обеих серьгах.

И конечно, она должна была сравнить рубины. Настоящие бирманские рубины того времени почти всегда имеют уникальные «внутренности» — включения, похожие на «шелк». Нужно было найти эти «отпечатки пальцев» и понять, совпадают ли они по характеру в обоих камнях. Разное происхождение камней выдало бы подлог.

Перед аукционом Уля должна была втереться в доверие к организаторам и другим экспертам, задавать вопросы не о парюре, а о коллекции Ставридиса в целом, чтобы по обрывкам фраз, по реакции людей понять, нет ли в истории лота №19 каких-то тёмных пятен, о которых не пишут в каталоге.

— Задача ясна? — спросил Ус, когда она появилась в кабинете после прочтения материалов.

— Да.

— Имей в виду, аукцион проводится среди русских, там не будет иностранцев, во всяком случае, обычно у Шольцев, хозяев аукциона, накладок не бывает. Ты знаешь, что второго шанса произвести первое впечатление у тебя не будет.

— Знаю.

— Далее ты потащишь за собой тот шлейф, который заработаешь там, сюда. А жить тебе здесь. Так что быть предельно внимательной, умной и осторожной. У тебя максимум будет двадцать минут времени до торгов.

— Я представляю лично вас или компанию?

— Лично меня, — он выдвинул ящик письменного стола и достал оттуда белую пластиковую папку, — вот документы: паспорт с визой, билеты на самолёт, подтверждение отеля и банковская карточка, ею ты расплатишься за отель и все расходы по командировке должны быть с этой карты. Чеки привезёшь в бухгалтерию.

— Вы сделали визу за несколько часов?

— Как видишь. А, вот ещё, — Ус протянул Уле коробку с новым мобильным телефоном Sony Ericsson R700i. — Здесь отличная камера с зумом, думаю, пригодится.

— Спасибо. Вчера Виктор мне сказал, что чеки за одежду...

— Это другое. Об этом не сейчас. Самолёт ранний. Анатолий подъедет в семь утра к твоему дому. В добрый путь!

Уля попрощалась и поехала домой собираться. Её всю трясло: от страха, что не справится. А как она будет разговаривать на английском, на котором только читает?

---

*Парюра - (фр. *parure* — убор, украшение) — набор ювелирных украшений, подобранных по качеству и виду камней, по материалу или по единству художественного решения.

**Кабошон - это способ обработки камня, при котором он приобретает гладкую выпуклую отполированную поверхность, лишён граней. Также кабошоном называют камень, обработанный таким образом.

Глава 6. "Лебединое озеро"

Мама бегала вокруг неё, как наседка. Кудахтала в основном не по делу. Эмоции зашкаливали у обеих.

— Что это за организация, чтобы визу сделать за полдня? Точно, контора. Да ещё в Швейцарию! Ты договор-то с ними подписала?

— Мам, отстань от меня, очень тебя прошу, дай мне собраться.

— А на сколько дней?

— На два.

Уля открыла только что по дороге купленную дорожную тележку. Итальянскую, самую дорогую, которую нашла в магазине. Продащица посоветовала. Фирма со странным названием про мандарины.

— Мам, ножик мне привези перочинный, красный такой, с крестом, — высунул голову Артём из дверного проёма, — держи! Готов, можешь пользоваться. Классный, — протянул он Уле новый телефон, который она получила от Уса.

Артём отлично разбирался в электронике. И вообще пошёл в деда математика. Собирался поступать в Бауманку.

— Спасибо, Тёмочка. Ножик привезу.

Пошла в ванную, открыла аптечку, накапала валерьянки, закрыла дверь. В голове чего только не было, какие только сценарии с этой серьгой она не продумывала.

Ночью приснился Платон. Она бежала по летней траве, а он то обгонял её, то догонял. Проснулась взволнованная. Оставалось три минуты до звонка будильника. Вскочила.

Ехали в аэропорт по полу пустым улицам. Сразу за МКАДом, слева показался огромный новый стеклянный мебельный магазин.

«Какая же уродина!»

Уля видела его впервые.

Тихая, холодная паника сжимала горло и заставляла сердце биться неровно. Она опять почувствовала страх, многослойный, как краска на старинной иконе.

«Уля, чего ты боишься? Ответь!»

Провала. Что не сможет отличить гениальную реплику от оригинала в сияющих залах, где каждый будет её взвешивать. Что её недостаток опыта, её «непричастность» к этому миру будут видны, как клеймо.

А если это ловушка? Если Ус проверяет её на прочность, а в Женеве её ждут не торги, а нечто иное? И деваться ей будет некуда. Мысли путались, рождая самые параноидальные сценарии.

И ещё, страх перед самой собой. Перед тем, кем она становилась. Перед своей фальшивой уверенностью.

И сквозь этот хаос страхов и внутренних голосов пробивался другой, более коварный и пугающий тихий голос — Платон. Его образ, явившийся во сне, был не просто сном. Она чувствовала его взгляд на себе в кафе, помнила его улыбку, и это вызывало необъяснимое волнение, смущавшее её куда больше, чем предстоящая миссия. Она ловила себя на мысли о нём и тут же яростно гнала её прочь.

«Не сейчас, не здесь. Это опасно. Он из другого мира, такой же недостижимый, как эти серьги».

Но чем сильнее она пыталась его забыть, тем ярче всплывала в памяти картина: летняя трава, её бег, и он — то догоняющий, то убегающий. Она боялась этой начинающейся влюблен-

ности больше всего, потому что интуитивно понимала: Платон – это не просто мужчина, это сила, столкновение с которой может навсегда изменить её траекторию.

Шереметьево показалось порталом в иную реальность. Попав в его стеклянные объятия, она оказалась в центре человеческой круговерти. Люди суетились, обнимались на прощание, нервно перебирали документы, дети плакали от усталости.

Эта всеобщая тревога перед полётом была ей созвучна, но она чувствовала себя отдельно от всех, будто её заключили в невидимый купол. Она молча прошла контроль, отвечая на вопросы автоматом, и, наконец, села в зале ожидания, сжимая посадочный талон в потной ладони. Объявление о посадке прозвучало для неё как удар гонга, возвещающий начало битвы.

В самолёте сосед – седой, пахнувший дорогим одеколоном мужчина – попытался завести беседу. «Впервые в Женеве? По работе?» Уля лишь коротко кивнула, уткнувшись в иллюминатор, делая вид, что рассматривает крыло. Её односложные, вежливо-холодные ответы дали понять, что компания нежелательна. Она была благодарна шуму двигателей, который поглощал необходимость говорить.

И вот – Женева.

Она вышла из зоны прилета. Вдохнула свежий воздух.

И тут её накрыло. Она просто остановилась и встала, давая потоку путешественников обтекать себя, как вода обтекает камень.

Никто не смотрел на неё с подозрением. Никто не требовал документы. Просто спокойные люди с багажом, встречающие с табличками, монотонный голос диктора, объявляющий рейсы на иностранных языках.

Она стояла посреди этого другого мира, и её охватила странная, почти разочаровывающая тишина. Битва, к которой она готовилась всем существом, ещё не началась. Вокруг царил обычная, ничем не примечательная жизнь. И в этой обыденности таилась своя, новая, неуловимая опасность.

Такси доставило её в отель за полчаса. Быстро, бесшумно, прямо ко входу. Регистрация заняла десять минут.

Парень за стойкой открыл паспорт, посмотрел на неё и слегка улыбнулся.

— Мадам, пожалуйста, ваша карта-ключ от номера, третий этаж. Лифты справа. Желаем вам хорошего пребывания в Женеве! – сказал на английском.

— Мерси, — улыбнулась ему Уля в ответ. — Можно попросить карту города?

— Конечно. Хотите я отмечу на ней, где мы находимся?

— Да, буду благодарна.

Он развернул карту и быстро поставил фломастером крестик на том месте, где стоял отель.

— Держите!

Она кивнула.

Как всё просто! Он понял каждое моё слово.

Поднялась в номер. Огромная кровать, телевизор, письменный стол, панорамное окно.

До начала торгов оставалось три часа.

Быстро развесила одежду и побежала вниз что-нибудь съесть, хоть пирожок. В самолёте ничего не хотелось, и она не дотронулась до завтрака.

Побродила по первому этажу. Как-то не очень впечатлилась, ждала большего от пятизвёздочного отеля. Разве что гобелены. Спустилась вниз. Там был японский ресторан, но тоже закрытый до пяти вечера. Вспомнила, что наверняка есть рум сервис и почти бегом поднялась в номер.

Через пятнадцать минут принесли сэндвич и кофе.

«Ну, всё. Вперёд!»

Она окинула себя последним взглядом в зеркало. Коричневый брючный костюм из тонкой шерсти, серая шелковая блуза, мягкий кашемировый шарф. Элегантно, сдержанно, профессионально. Ничего лишнего. Сейчас было не до экспериментов со стилем.

Мероприятие проходило в одном из самых роскошных отелей Женевы, который стоял на берегу озера. Путь лежал через знаменитый мост Мон-Блан, и Уля, сверяясь с картой, вышла на улицу Рю-дю-Рон.

С первых же шагов город начал её удивлять. Она ожидала ослепительного лоска, бьющего в глаза, но вместо этого столкнулась с какой-то обманчивой сдержанностью. Старинные шестиэтажные дома, выстроившиеся в ровные ряды, казались спокойными и даже немного сонными. Мимо скользили трамваи, а люди в практичной, полуспортивной одежде спешили по своим делам. Обычная жизнь. Длинная очередь, состоящая почти исключительно из азиатских туристов, выстроилась у дверей бутика с сумками. Странно.

Потом пошли банки. Их фасады были столь же неприметны, как и жилые дома, если бы не безупречная чистота стёкол и скромные, но весомые бронзовые таблички. А затем — бутики. Часовые и ювелирные. И здесь Женева сбросила маску. Это была не роскошь напоказ, это была роскошь как данность, как воздух, которым здесь дышат. В витринах, без лишней мишуры и броских вывесок, лежали сокровища. Миллионы, непринуждённо разложенные для обозрения. Она остановилась у одного бутика и замерла. Количество крупных бриллиантов не поддавалось восприятию.

Наконец, она вышла на мост Мон-Блан, и дыхание перехватило уже по-другому. Перед ней лежало Женевское озеро, синее, почти ультрамариновое, переливающееся в лучах солнца. На фоне неба, пронзительно-голубого, вырисовывались заснеженные пики Альп, кажущиеся нереальной декорацией. А в центре — знаменитый Джет д'О, мощная, одинокая струя фонтана, взмывающая в небо с огромной силой. По водной глади плавали лебеди — белые и таинственные чёрные. Настоящее «Лебединое озеро». Эта почти театральная красота была подавляющей. Она чувствовала себя крошечной и неуместной на этом фоне вечного величия.

Отель виднелся впереди — монументальный, из желтого песчаника, с безукоризненно подстриженными живыми изгородями. Он не просто стоял — он владел этим участком набережной. Каждый шаг по направлению к нему давался с невероятным усилием, будто ноги вязли в невидимой смоле. Тяжесть была не физической, а грузом ответственности и страха.

И уже совсем на подступах, когда до входа оставалось не больше пятидесяти метров, её путь внезапно преградила тень.

Молодой человек в тёмной куртке возник перед ней так внезапно, что она чуть не вскрикнула. Он не подошёл, он материализовался из воздуха, его появление было резким и беззвучным, как щелчок затвора.

— Извините, — голос был плоским, лишенным интонаций, чужой, — вы Ульяна?

Уля почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Её имя, произнесенное здесь незнакомцем, напугало её, она даже раскрыла глаза от надвигающейся неизвестности.

— Да, — выдохнула она, и этот звук показался ей доносившимся откуда-то со стороны.

Он протянул ей плотный кремовый конверт, не дожидаясь вопросов, резко развернулся и растворился в толпе, будто его и не было. Исчезновение было таким же неестественно быстрым, как и появление.

Уля замерла, сжимая в пальцах конверт. Сердце бешено колотилось, отдаваясь в висках глухими ударами. Она почти бессознательно отошла к парапету, спиной к ветру, и дрожащими, не слушающимися пальцами вскрыла конверт.

Внутри не было ни обращения, ни подписи. Только ключ-карта с логотипом отеля и сложенный вчетверо лист. Она развернула его.

«Ваше присутствие здесь компрометирует нашего общего патрона. Поднимитесь в номер 441. Вам будут даны дальнейшие инструкции. Не заходите на аукцион, если цените свою карьеру. Жду до 16:00».

Почерк был угловатым, чужим, но каждое слово впивалось в сознание, как крик. «Нашего общего патрона». Они знали об Усе. Значит, это не случайность, не ошибка. Это либо тревожный сигнал от кого-то из его лагеря, либо хладнокровно расставленная ловушка.

Мысли помчались в паническом вихре. *«Ловушка. Меня хотят убрать. Выманить под благовидным предлогом. А там? Угрозы? Шантаж? Или нечто худшее?»*

«А может, это правда? Ус в опасности, и мое появление все разрушит? Сорвет какую-то его сложную игру?»

Она лихорадочно посмотрела на часы в телефоне. До начала торгов — сорок минут. До дедлайна в записке — двадцать.

Время, казалось, физически сжалось. Прямо перед ней лежал путь к сияющим дверям отеля, к выполнению миссии, к доверию Уса. Но этот путь вел в неизвестность, возможно, напрямик в сердце западни. Если вопреки предупреждению появиться на аукционе, а там действительно что-то произойдёт, весь гнев Уса обрушится на неё. Тогда конец.

И был второй путь. Назад, в номер 441. Путь, сулящий ответы, но пахнувший бегством и предательством, потому что это мог быть контакт из тени, там либо враг Уса, либо «друг», который что? Действует за его спиной? Такой контакт — это высшая степень нелояльности. Но...

Она сжала в руке ключ-карту так сильно, что острый край пластика впился в ладонь, оставляя болезненный, багровый след. Весь этот ослепительный, безмятежный мир — синева озера, белизна альпийских вершин, величавые лебеди и улыбки беззаботных прохожих — вдруг обесцветился и растворился, превратившись в размытый фон для единственного вопроса, который решал всё здесь и сейчас.

Куда идти?

Глава 7. Аплодисме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.